

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин

В небольшом русском городке, где-то на окраине, где дальше – за пустырем – виден уже и лес и не дымят трубы, в аккуратном домике из трех комнат жила женщина. Звали женщину красиво – Агриппина, Агриппина Игнатьевна Веселова, попросту – Груша. Было ей тридцать четыре года, и были у нее сын Витька двенадцати лет да брат Николай Игнатьевич, главный бухгалтер пригородного совхоза, да где-то был муж... С мужем они разошлись три года назад: тот взял в подруги... бутылку, и та подруга белоголовая завлекла его куда-то далеко, даже и не слышно было, где он.

Брат Николай приезжал по воскресеньям к сестре и племяннику, старался как-нибудь им помочь, продукты привозил, деньжонок иногда.

И один раз, в воскресенье, приехал он с важным каким-то делом... Но пока дело это не выкладывал, а как обычно они с Витькиной матерью воспитывали Витьку.

– Ну сладу нет – не слушается, и все, – жаловалась мать. – Совсем парень выпрягся...

– Что же это ты, Витька? – гудел большой дядя Николай, постукивая толстыми прокуренными пальцами по клеенке. – Не годится так, не годится. А что же дальше-то будет, если ты уже сейчас... черт-те чего вытворяешь? Ведь матери-то одной трудно с тобой, как ты это не поймешь!..

– Ни дьявола не понимает! На днях чего удумал: взял да соседской свинье глаз выбил...

– Глаз? – удивился дядя Николай.

– Но! Ветеринар, сосед-то... ладно, мужик добрый – не пошел никуда жаловаться. А то было бы дело!

– Зачем же ты ей глаз-то выбил? – спросил дядя.

Лобастый Витька сидел тут же, за столом, делал вид, что усердно читает книгу. Молчал.

– Витьк!

– Ну?

– Зачем глаз-то свинье выбил?

– Я нечаянно, – буркнул Витька.

– «Нечаянно»! – воскликнула мать. – Знаю я, как нечаянно... Нечаянно. – И повернулась к брату – рассказать: – Я его все в пример ставлю, ветеринара-то: выучился человек, теперь живет-поживает, в доме-то только живой воды, наверно, нет... Бери, мол, пример – приглядывайся. А он его и невзлюбил...

– При чем же тут животное, если тебе человек не поглянулся? Витьк!

– Ну?

– Разве можно такие вещи делать?! Ты что, живодер, что ли?

Витька молчал.

– Папа родимый – набычится, и не сдвинешь с места, – заключил дядя Николай. Помолчал. Спросил сестру: – Где он сейчас? Не слышно?

– «Где»! – горько воскликнула мать. – У него дорог много, и все – веселые.

– Алименты-то шлет?

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Шлет.

– Эх, Витька, Витька... – вздохнул дядя Николай. – Что ж ты так живешь-то? А?

Витька молчал.

– Витьк!

– Ну?

– Чего молчишь?

– Я читаю.

– Что ты мне очки втираешь! – осердился дядя Николай. – Читает он!.. – Потянулся, взял у Витьки книгу. – Что ты читаешь? То ж – задачник! Кто же так задачник читает... как художественную литературу. Менделеев мне нашелся!

– Вот так он меня все время обманывает, – сказала мать. – Спросишь: Витька, выучил уроки? Выучил! А где выучил, где выучил – ничего не выучил, одна улица на уме...

– Ты эту улицу брось, Витька, – резонно стал убеждать дядя Николай. – Она до добра не доведет. Хватишься потом, да поздно будет. Вот он, близко будет, локоть-то, да не укусишь. Улица от тебя не убежит, а время уйдет, не воротишь. Ты лучше возьми да уроки хорошенько выучи, чем... глаза-то свиньям вышибать. Чем выбил-то, камнем, что ли?

Витька водил пальцем по синим клеточкам клеенки. На вопрос только неопределенно поморщился и пожал плечами.

Дядя помолчал и спросил совсем другим тоном – мирно, несколько удивленно:

– Так что, здесь тоже свиней держут?

– Держут, – откликнулась мать. – А чего? Мужик-то в доме, так и держут. Зато всю зиму без горюшка – с мясом. Мужик-то есть, чего не держать?

– Витька, – повернулся дядя к Витьке, – иди учи уроки в ту комнату, мне надо с матерью поговорить.

Витька незаметно с облегчением вздохнул и ушел в другую комнату. Накачка кончилась.

– Я вот о чем с тобой, – заговорил Николай негромко. И посмотрел на часы. – Помнишь, я тебе говорил про мужика-то?

– Ну, помню.

– Это... видал я его в пятницу, говорил с ним...

Груша насторожилась. Заинтересовалась.

– Ну?

– Он придет сегодня... – Николай опять глянул на часы, – через десять минут.

– Батюшки! – испугалась Груша. – Чего же ты молчишь-то сидишь? Надо же хоть маленько прибраться, что ли?..

– А что у тебя?.. Нормально и так...

Груша вскочила было, но оглянула комнату и села опять.

– Так ты расскажи про него... Что хоть за человек-то? Ты откуда его знаешь-то?

– Учился с ним на курсах бухгалтеров вместе...

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Так это когда было-то!

– Давненько. А тут встретил его: я в банк приехал, и он туда же пришел. Ну, разговорились... Ну – как, мол, живешь? То-се... Одинокий он счас – разошлись тоже, двое детей было...

– А чего разошлись-то?

– Пил тоже...

– Вот те на! Так это что же мне, шило на мыло менять?

– Да погоди ты! Пил, счас не пьет – лечился, что ли, или так бросил, не спрашивал. Но твердо знаю, что счас не пьет. Хороший мужик. Я рассказал про тебя: вот, есть, мол, сестра – одинокая тоже, парнишка в пятом классе... Приду, говорит. Посмотри, может, что и выйдет у вас. Чего же одна будешь с этих лет...

Через приоткрытую дверь в горницу Витька слышал весь разговор. Навострил уши.

– Страшно, Коля, – говорила мать. – С одним всадилась до ушей... Но тогда хоть молодая была – простительно, а теперь-то – это уж глупость будет несусветная. Сама себя исключень...

– А не торопись, никто тебя силком не гонит, – отвечал на это Николай. – Присмотрись сперва... Да и он, думаю, тоже не кинется сломя голову. Алименты только с него здоровые дерут...

– Да это-то... черт бы его бей, с алиментами, они все нынче с алиментами. И я-то ведь не девка. Был бы человек хороший. Не зряшный какой...

– Да нет, он так-то ничего вроде. Вон он идет! Особо не суетись – тоже не в поле обсевок. Но и... это... не строй из себя... Нормально, как всегда...

– Да уж как-нибудь сумею. А семья-то его где, здесь живет?

Николай не успел ответить. В дверь снаружи постучали.

– Ну? – кивком показал на дверь Николай – откликнись, мол.

Груша чего-то растерялась...

Помолчали и вместе сказали:

– Да!

– Войдите!

Вошел носатый, серьезный, преуспевающий на вид человек лет этак сорока трех – сорока пяти. В добром, сталистого цвета плаще, при шляпе и при большом желтом портфеле. Маленькими глазками сразу с любопытством воткнулся в женщину... Но смотрел ровно столько, сколько позволило первое приличие.

– Ну вот, не заблудился, – сказал он. – Здравствуйте.

Николай поднялся ему навстречу.

Поздоровались за руку.

– Сестра моя... Груша – знакомьтесь, – представил Николай.

Груша, по-молодому еще стройная, ладная, тоже поднялась, подала руку.

– Владимир Николаевич, – назвал гость.

– Груша.

– Груша – это... Графена?

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Агриппина, – сказал Николай. – Это родители наши верующие были, ну, крестили, конечно... Хорошо, я под Миколу-Угодника угодил, а то был бы тоже какой-нибудь... Евлампий. – Николай мелко, насильственно посмеялся. – У нас был в деревне один Евлампий...

– Он потом переименовал имя, – сказала Груша.

– Да, потом, правда, променял на... забыл, кто он стал-то?

– Владимир.

– Тезки, значит. – Владимир Николаевич тоже искусственно посмеялся.

– Садитесь, – пригласила Груша.

– Спасибо. Я бы разделся...

– О Господи! – спохватилась Груша. И покраснела. – Раздевайтесь, пожалуйста!

Она была еще хороша, Груша. Особенно заметно стало это, когда она суетилась и на тугие скулки ее набежал румянец, и глаза, широко расставленные, простодушно, искренне засмеялись.

Владимир Николаевич опять ненароком прицелился к ней мелким, острым взглядом.

– Витька! – громко позвал дядя Коля. – Иди-ка сюда.

Вошел Витька.

– Познакомься с... дядей Володей, – сказал дядя Коля.

Витька стоял и смотрел на носатого дядю Володю.

– Ну, герой!.. – добренько сказал дядя Володя. И поискал в карманах у себя... – На-ка – пиратом будешь. – Подал простенький пистолетишко, который даже и без пистонов был, а просто – чакал.

Витька не мог сдержать снисходительную ухмылку. Чакнул пару раз...

– Это – для первачей только.

Матери стало неловко, что сын у нее такой неблагодарный. Она опять покраснела.

– Ну, Витька!.. – сказала она. И засмеялась, и опять доверчиво и ясно засмеялись ее глаза.

– Ну, дядя Володя тебя еще не видел, не знал, что ты такой большой, – пришел на выручку дядя Коля. – В следующий раз принесет... А что тебе, пушку, что ли, надо?! Какой!

– Садитесь, Владимир Николаевич, – пригласила мать.

Владимир Николаевич прихватил портфель и прошел с ним к столу. Присел, портфель поставил возле ног.

– Тепло как на улице-то; – сказал он. – Все же – сентябрь месяц, должно уже чувствоваться...

– Ну что, Витька? – спросил дядя Коля. – Небось на улицу лыжи наострил? Ну, иди, иди, а то там дружки твои заждались.

Витька вопросительно глянул на мать.

– Иди, поиграй, – разрешила мать.

Витька ушел.

Дружков у Витьки было несколько. Но самый задушевный, самый верный и умный, кому

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Витька подражал во всем почти, был Юрка, девятиклассник, квартирант старика
Наума Евстигнеича, что жил по той же улице, через три дома.

У Юрки нелегкое положение. Отца у него нет, погиб на лесоповале, одна мать, а у матери, кроме Юрки, еще трое на руках – мал мала меньше. Мать живет в небольшой деревне, в сорока километрах отсюда, там вот нет десятилетки. Мать бьется из последних сил, хочет, чтоб Юрка окончил десятилетку. Юрка и сам хочет окончить школу. Больше того, он мечтает потом поступить в институт. В медицинский. Единственный, перед кем Витьке совестно, что он плохо учится, – это Юрка.

Огромный старик Наум Евстигнеич хворал с похмелья. Лежал на печке, стонал.

Раз в месяц – с пенсии – старик аккуратно напивался. И после этого дня по два лежал в лежку.

– Как черти копытями толкут! – слабо удивлялся старик на печке. – О! О! Что делают!..

Юрка учил уроки.

– Кончаюсь, Юрка, – возвестил старик. – Все.

– Не надо было напиваться, – жестко сказал Юрка; старик мешал ему.

– Молодой ишо рассуждать про это – надо, не надо. Шибко уж много вы нынче знаете!

Юрка ниже нагнулся к книге.

– А что же мне делать, если не выпить? – Старик охота поговорить: все, может, полегче будет. – Все ученые стали! – Старик всерьез недолюбливает Юрку за его страсть к учению. У него свои дети все выучились и разъехались по белому свету; старик остался один и винит в этом только учение. – В собаку кинь – в ученого попадешь.

Юрка молчит. Шевелит губами.

Вошел Витька.

– Здорово, Витька! – сказал старик. – Хвораю.

– Опять? – спросил Витька.

– Вон дружок твой ругает, что выпил... Должен же я хоть раз в месяц отметить.

– Зачем? – спросил Юрка, откинувшись на спинку стула и подмигнув Витьке на старика. – Зачем напиваться-то?

– Что я, не человек, что ли?

– Хм... – Юрка качнул головой. – Рассуждения, как при крепостном праве. Это тогда считалось, что человек должен обязательно пить.

– А ты откуда знаешь про крепостное время-то? – Старик смотрит сверху страдальчески и снисходительно. – Откуда ты знаешь-то? Тебе всего-то от горшка два вершка, а сидит, рассуждает...

Юрка скосоротился и безнадежно махнул рукой.

Витька подсел к нему.

– Как дела? – спросил Юрка негромко.

– Ничего!

– Все знают! – разошелся старик. – Все на свете знают. А чего человек с похмелья хворает, это вы знаете, товарищи ученые?

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
«Ученые» переглянулись...

- Отравление организма, – отчеканил Юрка. – Отравление сивушным маслом.
- Где масло? В водке?
- Так точно, ваше благородие! – Юрка с Витькой хихикнули.
- Доучились! – Старик доволен, что поймал зеленых на явной глупости. – А сыра там нет случаем? Хэх, елки-палки!..
- Хочешь, я тебе формулу покажу? – вскочил Юрка. – Сейчас я тебе наглядно докажу... На! Вот она, формулка...
- Пошел ты со своей формулой! О-ох, опять накатило... О, что делается!
- Ну, похмелись уж тогда, чего мучиться-то?

Старик никак не реагирует на это предложение.

Витька заговорщически наклонился близко к другу и сказал тихо:

- Денег жалко. На похмелку-то.

Юрка согласно кивнул головой: знаю, мол.

- Я тебе сала маленько принес. В сенцах оставил.

- Дядька приехал?

Витька кивнул.

- Еще какой-то гусь пришел – к маме. Володя какой-то.

- Зачем?

Витька пожал плечами.

- Сватать, что ли... Он прямо не говорит. Пистолет вот подарил.

- Ну-ка? Ой, ну и пистолет!

- Он думал, я еще маленький.

- Витька, отец-то пишет? – спросил старик. – Где он сейчас?

- Не знаю, – неохотно сказал Витька.

- Помогает вот он вам?

- Не знаю. Помогает.

- Носит нынче людей по белому свету... – сказал старик. – И моих где-то черт носит. Вот оно, ученье-то!

- Радоваться надо, что дети выучились, а он... ворчит, – заметил Юрка.

Старик приподнялся на локте.

- Сколько тебе лет учиться до хирурга?

- Шестнадцать. Десять плюс шесть в медицинском институте.

- Так, – зловеще гнул старик. – А сколько ты будешь получать?

- Не в этом дело...

- Нет, сколько?

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Я не интересуюсь зарплатой.

– А-а – завиллял? Зарплатой не интересуется... Видали ухаря? Витька, дай ему там подзатыльник, хвастунишке. Зарплатой они не интересуются!.. Только старикам шиш высылают.

– Что, у тебя денег, что ль, нету?

– Есть. Не про вашу честь.

– Ну и вот.

– Я тебе про другое толкую: на кой шут жилы-то из себя тянуть столько лет? Иди вон на шофера выучись да работай. Они вон по сколь зашибают. Да ишо приворовывают: где лешишко кому подкинет, где угля – деньги. И матери бы помог. У ей ведь трое на руках... Шутка в деле! Кажилится на тебя, кажилится, а ты потом – хвост трубой и завьесся в большой город.

– Не твое дело.

– Знамо, не мое. Я чужой человек, плотишь мне пять рублей – живи на здоровье. Мне матерю твою жалко. Легко, думаешь, ей одной с вами?..

– Проживем! – резко сказал Юрка. – Никому до этого... Нечего! Жили и проживем.

– Сбили вас с толку этим ученьем – вот и мотаетесь по белому свету. Ты ишо кто? – сосунок, а уж по квартирам сшиваешься. Дома родного не знаешь.

– Если дома нет десятилетки, что я теперь?

– Во-от! «Десятилетки», «пятилетки»... Жили раньше без всякого ученья – ничо, бог миловал: без хлебушка не сидели.

– У вас только одно на уме – «раньше»!

– А то... ирапла-анов наделали – дерьма-то.

– А тебе больше глянется на телеге?

– А чем плохо на телеге? На телеге-то я если поехал, то хоть знаю: худо-бедно – доеду. А ты навернесся с этого своего ираплана – костей не соберут.

Юрка махнул рукой.

– Витька, спорь с ним, если охота. Мне надо учить.

– А космос? – значительно спросил Витька старика.

– Что «космос»?

– Космос. Куда наши космонавты летают...

– Летают, – поправил Юрка.

– Летают, – поправился Витька.

– Гагарин-то?

– Не один Гагарин. Много уже.

– А чего они туда летают? Ну и что, что летают? Что толку-то?

– Во дает! – воскликнул Юрка, опять откинувшись на спинку стула.

– Понял? – сказал Витька. – А что, им лучше на печке лежать?

– Чего вы привязались с этой печкой? – обиделся старик. – Доживите до моих

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru годов, тогда вякайте. Только сперва доживите.

– Я же не в обиду тебе говорю, – продолжал Витька. – Но спрашивать, зачем люди в космос летают, – это, я тебе доложу...

– Доложи, сделай милость. Доложи старику. Я, видишь, не спрашиваю, зачем ты, паршивец, ко мне в сад лазишь – знаю потому что, а в космос – не знаю, доложи, сделай милость.

Витька великодушно пропустил мимо ушей замечание про сад.

– Ну, во-первых: основание космоса – это... надо. Придет время, люди совсем сядут на Луну. А еще придет время – долетят до Венеры, так? А на Венере, может, тоже люди живут...

– На Марсе, – поправил Юрка.

– Ну, на Марсе. Разве ж не интересно глянуть на их?

– Они такие же, как мы?

Витька оглянулся на Юрку... Юрка пожал плечами.

– Этого я точно не знаю, – честно сказал Витька. – Может, маленько пострашней, потому что там атмосфера не такая – больше давит.

– Ишо драться кинутся, – сказал старик.

– За что?

– Ну, скажут: зачем прилетели? – Старик явно заинтересовался Витькиным рассказом. – Незванный гость хуже татарина.

– Не кинутся. Они тоже обрадуются.

– Еще неизвестно, кто из нас умнее, – включился в разговор Юрка. – Может, они. Тогда мы у них будем учиться. А потом, когда техника разовьется, дальше полетим... – Юрку самого захватила такая перспектива человечества. Он встал и начал ходить по избе. – Мы же еще не знаем, сколько еще таких планет, похожих на Землю. А их, может, много! И везде живут... существа. И мы будем летать друг к другу... И получится такое... мировое человечество. Все будем одинаковые.

– Жениться, что ли, друг на дружке будете?

– Я говорю – в смысле образования! «Жениться»...

– У них одно на уме – жениться, – недовольно заметил Витька.

– Может, где-нибудь есть такие человекоподобные, что мы все у них поучимся. Вот тогда будет жизнь! Захотел ты, допустим, своих сыновей повидать прямо с печки – пожалуйста: включил видеоприемник, настроился на определенную волну – они здесь, разговаривай. Ругайся, если хочешь. А медицина будет такая, что люди будут до ста – ста двадцати лет жить...

– Ну, это уж ты... приврал.

– Почему?! Уже сейчас эта проблема решается. Сто двадцать лет – это нормальный срок. Мы только не располагаем данными... Но мы их возьмем у соседей по Галактике.

– А сами-то не можете – чтоб сто двадцать?

– Сами пока не можем. Это медленный процесс... – Юрка даже слегка кокетничает, изображает из себя какого-то учителя. – Может, мы и докатимся когда-нибудь, что будем сто двадцать лет жить, но это еще не скоро.

– Сто двадцать лет сам не захочешь. Надоест.

– Ты не захочешь, а другие – с радостью. Будет такое средство...

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– «Средство»... Открыли бы лучше какое-нибудь средство от похмелья. А то башка, как...

– Не надо пить.

– Пошел ты!..

Замолчали. Юрка опять решительно сел за учебник.

– У вас только одно на языке: «Будет! Будет!» – опять начал старик. – Трепачи. Ты вот – шешнадцать-то лет будешь учиться, а начнет человек помирать, что ты сделаешь?

Юрка не намерен больше болтать. Молчит.

– Вырежет ему чего-нибудь, – сказал Витька.

– Да если ему срок подошел помирать, чего ты ему вырежешь?

Витька не знал.

– Я на такие... темные вопросы не отвечаю.

– Нечего ответить, вот и не отвечаете. Светлые ваши головушки... только мякиной набиты.

– Нечего? – опять вскочил Юрка. – А вот эти люди?.. – сгреб кучу книг и показал. – Вот этим людям тоже нечего отвечать?! Ты хоть одну прочитал?

– Там читать нечего – вранье одно. У меня на квартире жил один...

– Во дает?! – сказал Витька.

– Ладно! – Юрка опять начал ходить по избе. – Чума раньше была?

– Была. У нас в двадцать...

– Где она теперь? Есть?

– Не приведи, Господи! Может, будет...

– В том-то и дело, что больше не будет. С ней научились бороться. Дальше! Если бы тебя раньше укусила бешеная собака, что бы с тобой было?

– Сбесился бы.

– И помер бы. А сейчас – сорок уколов, и все. Человек живет. Туберкулез был неизлечим? Сейчас – пожалуйста: полгода – и человек как огурчик! А кто это все придумал? Ученые. «Вранье»... Хоть бы уж помалкивали, если не знаете.

Старика раззадорил тоже этот Юркин наскок.

– Так. Ладно. Собака – это ладно. А змея укусит?.. Где они были, доктора-то, раньше? Не было. А бабка, бывало, пошепчет – и как рукой снимет. А ведь она институтов ваших не кончала.

– Укус был не смертельный, вот и все. Это элементарно.

– Иди подставь: пусть она тебя разок чикнет...

– Пожалуйста! Я до этого укол сделаю – и пусть кусает, сколько влезет, – я только улыбнусь.

– Хвастунишка.

– Да вот же они, во-от! – Юрка опять показал на книги. – Люди на себе экспериментировали! А знаешь ты, что когда академик Павлов помирал, то он созвал

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru студентов и стал им диктовать, как он умирает...

– Как это? – очень заинтересовался старик.

Витька тоже не слышал про это.

– Так. «Вот, говорит, сейчас у меня холодеют ноги – пишите». Они писали. Потом руки отнялись. Он говорит: «Руки отнялись».

– А они пишут?

– Они пишут. Потом сердце стало останавливаться, он говорит: «Пишите». Они плакали и писали. – У Юрки у самого на глазах показались слезы. На старика рассказ тоже произвел сильное действие.

– Ну?

– И помер. И до последней минуты все рассказывал, потому что это надо было для науки. А вы с этими вашими бабками еще бы... триста лет в темноте жили. «Раньше было! Раньше было!» Какие-то кулацкие уклоны... Вот так было раньше? – Юра подошел и включил радио. Пела певица. Немного все послушали ее. – Где она? – спросил Юрка.

– Кто?

– Певица-то. Ее же нет здесь, а – поет.

– Так это по провода-ам.

– Это радиоволны! «По провода-ам». По проводам – это у нас здесь. А она, может, где-нибудь в Москве или в Ленинграде поет – что, туда провода протянуты?

– Провода. Я в прошлом году ездил к Ваньке, видел: вдоль железной дороги провода висят. На столбах. Чего ты мне говоришь-то?

Юрка махнул рукой.

– Тебе не втолковать! Мне надо уроки учить. Все.

– Ну и учи.

– А вы отрываете. – Юрка сел за стол, зажал ладонями уши и стал усердно читать. Долго в избе было тихо.

– Витька, а ты на кого хочешь учиться? – спросил старик.

Витьку этот вопрос застал врасплох.

– Я пока выбираю, – сказал он.

– На кого он будет учиться! – оторвался от книги Юрка. – У него по арифметике плохо. Не исправил, Витька?

– Не...

– Что ж ты?

– Знаешь, на кого учишь? На судью, – посоветовал старик.

– О-о! – удивились ребяташки. – Чего это?

– Люди будут бояться. Скажут: вон, вон – судья идет! Большое дело.

– Тогда уж – на прокурора, – сказал Витька. – Он пострашней.

– Прокурор – это не все понимают, что страшно. А вот судья... это судья. Это уже тюрьмой пахнет.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Еще помолчали.

– Он есть на карточке? – спросил вдруг старик.

– Кто?

– Тот ученый, помирал-то который.

– Академик Павлов? Вот он.

Юрка подал старику книгу и показал Павлова. Витьке тоже показал редкостного ученого.

– Старенький уж был, – сказал Евстигнейч жалостливо.

– Он был до старости лет бодрый и не напивался, как... некоторые. – Юрка отнял книгу. – И не валялся потом на печке, не матерился...

– Чего вы взъелись-то на меня?! – вскричал больной старик. – Ты гляди что – житья не дают! Комиссары нашлись... Вам ба по тогдашнему делу – только комиссарами быть. Они тогда молодые были... Такие же вот... молокососы заполошные. Командовали.

Юрка сел опять за учебники, а Витька стал листать книжку с портретами ученых.

– Ох, мать ты моя-а!.. – закричал опять старик. И полез с печки. Надел валенки, взял нож и вышел в сени.

– Куда это он? – спросил Витька.

Юрка пожал плечами.

– Ну, и что этот гусь? – спросил Юрка. – Наверно, отцом твоим станет?

Витька уставился на друга, точно до него только сейчас дошел истинный смысл прихода дяди Володи в их дом.

– Отцом? – переспросил он.

– Ну а кем же? Не родным, конечно, но жить-то у вас будет.

Вошел старик... Нес в руке добрый кус сала.

– Натe поешьте... ученые. А то, пока дойдете до своих хирургов-то, – загнетесь.

– Зачем? У меня есть – мне Витька принес...

– Ешьте! «Витька принес»... У Витьки у самого... зад сверкает. Безотцовщина. Ешьте, это доброе сало, не базарное.

– Нам дядя Коля привез из деревни – тоже доброе, – вступился Витька за свое сало.

– В деревне теперь разучились солить. Не разучились, а... не хотят. Тоже все на базар норовят: как попало посолил, лишь бы вид сохранить. – Старик опять полез на печку. – Ох, язви ты в душеньку!.. Как ляжешь, так опять подступает.

– Давай, мы сбегает за четвертинкой? – еще раз предложил Юрка.

Старик помолчал.

– Не надо, – сказал. – Перемаюсь как-нибудь.

Ребятишки достали хлеб и принялись за сало.

– Ну и как мне его теперь, папкой, что ли, звать? – спросил Витька негромко.

Юрка пожал плечами.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– К нам, когда папка помер, тоже приходил один... я его дядей Сашей звал. Не мог. Я папку-то хорошо помню.

– И я помню.

– Ну и будешь дядей звать... Нечего их наваживать. Старый?

– Старый, – сказал Витька, всерьез озабоченный новым «папкой».

– А у его, что же, родных-то никого не было, что ли? – спросил старик с печки.

– У кого? – не понял Юрка.

– У того академика-то. Одни студенты стояли?

– У Павлова? Были, наверно. Я точно не знаю. Завтра спрошу в школе.

– Дети-то были, поди?

– Наверно. Завтра узнаю.

– Были, конечно. Никого если б не было родных-то, немного надиктуешь. Плохо человеку одному. Не приведи Господи!

...Мать Витькина громко засмеялась.

– Не знаю, – сказала она. – Я так не думаю.

– Уверяю вас! – тоже улыбаясь, воскликнул слегка заалевший Владимир Николаевич.

И дядя Николай тоже слегка заалел... Всем было хорошо, все слегка поразмякли.

– А не спеть ли нам?! – догадался дядя Николай. – А? Эх, Витьки нет, он бы нам сейчас на баяне подобрал какую-нибудь.

– Хорошо играет? – спросил Владимир Николаевич.

– Мой подарок, – не удержался, похвастал дядя Нико-лай. – На день рождения ему отвалил – пускай учится.

– Люблю музыкальных детей, – сказал Владимир Николаевич.

– Так споем, что ли!

– Какую? – спросила Груша.

– Давай какую-нибудь. Ты у нас песельница.

– Ну, прямо!.. Нашел песельницу.

И вдруг Владимир Николаевич, прикрыв маленькие петушьи глаза, зачастил не шутя, козлом:

Небо, небо, небо, небо-о!..

Хотел-то он всерьез, но так это вышло смешно и нелепо, что Николай и Груша засмеялись. Тогда засмеялся и Владимир Николаич – будто он хотел пошутить.

– Давай, Груша! – попросил опять Николай. – Помнишь, про колечко как-то... Про любовь, про колечко. Ты часто пела...

Груша, справившись со смущением, вскинула голову, как-то простецки-смело глянула на «суженого», усмешливо улыбнулась и негромко, красиво запела:

Что стоишь, качаясь,
То-онкая рябина-а?
Го-оловой склоняясь

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
До самого тына...

Брат Николай неожиданно хорошо, в лад поддержал:

...Го-оловой склоняясь
До самого-о тына.
Они, видно, певали раньше – славно у них вышло.

Там через дорогу... –
повела дальше Груша, –

За-а рекой-ой широкой
Та-ак же о-одинок
Дуб стоит высокий.
Владимир Николаич заблеял было:

Та-ак же одиноко-о...
Но – смолк. Не умел он. Стал слушать.

Брат с сестрой пели:

Как бы мне, рябине,
К ду-убу перебраться,
Я-а б тогда не стала
Гнуться и качаться-а!..
Ох, я-а б тогда не стала...
Тут вошел Витька.

Песня погибла. Мать что-то опять смутилась, вскочила из-за стола, улыбаясь, и какой-то извиняющийся тон появился.

– Сынок пришел! Поесть хочешь?

– Нет, – сказал Витька. – Я у Юрки поел...

– Господи!.. «У Юрки». Он и так едва концы с концами сводит, а он объедает ходит...

– Нам дед Ефим сала дал.

– Витьк, ну-ка сыграй нам! – сказал дядя Коля. – А?

– Я уроки не выучил, – сказал Витька. И посмотрел на дядю Володю не очень любезно.

– Ну, сыграл бы... – попросила и мать.

– Хо!.. Говорю же: уроки не выучил...

– Что ж ты до сих пор не выучил? – обиделся дядя Коля. – Ох, Витька, Витька... Ну, иди учи.

Матери неловко стало за столь открытую нелюбезность сына.

– Ну, иди, иди – учи, – тоже сказала она.

Витька ушел в горницу.

Дядя Володя поднялся...

– Ну, пора и честь знать, как говорят.

– Да посиди еще! – воскликнул Николай. – Чего ты? Еще успеешь. Куда торопиться-то?

– Посидите, – сказала и Груша.

– Да нет, пойду... А то темно станет. Включу счас телеви-зор, постановку какую-нибудь посмотрю.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Витька у себя в горнице похоже передразнил дядю Во-лодю.

– Да нет, пойду... А то темно станет, хулиганов полно на улицах... Гусь-Хрустальный.

– Ну, приходите... Не забывайте, – слышалось из большой комнаты. Мать говорила.

– Ладно, ладно – приду, – опять изобразил Витька ненавистного ему гостя. – В воскресенье приду. Может, в субботу... Явлюсь, так сказать.

И стал дядя Володя являться. По субботам и воскресеньям.

Раз явился:

– Здравствуйте. Немного все же похолодало. Чувствуется. Лист уже пожелтел.

Два явился:

– Здравствуйте. Сегодня потеплей. Но все равно скоро – конец. Лист только до первого ветра: слетит.

Три явился:

– Слетел. Голенькие стоят. Пора...

Один раз мать с Витькой откровенно поговорили.

– Уроки выучил?

– Выучил.

– Ну-ка, сядь – поговорим. Как тебе дядя Володя-то?

Витька хотел увильнуть от ответа. Пожал плечами, как он делал, когда не хотел говорить прямо.

– Что? – спросила мать.

– Ничего...

– Не глянется?

Витька опять пожал плечами.

Мать кивнула головой, подумала... И вдруг засмеялась милым своим, ясным смехом.

– Ох, и но-ос!.. На семерых рос, одному достался. А, Витька?.. Вот так нос!

Витька моментально осмелел, затараторил:

– Да он этим своим носом всю мебель нам посшибает! Это же не нос, а форштевень!

– Руль, – коротко определила мать. – Но... Витька... дружок: нам не до жиру – быть бы живу. Так, сына. Дело наше... неважноецкое.

– Да что, с голоду, что ль, помираем?

Мать засмеялась.

– Да нет, что же?.. Нет. Немолодая уж я, сынок, – выбирать-то. Вот штука-то. Время мое ушло. Ушло времечко... – Мать вздохнула. – Десять бы годков назад – этот бы дядя Володя... – И не стала досказывать. А стала говорить совсем другое – может, себя убеждала:

– Да он неплохой – так-то... Вон какой рассудительный. Не пьет.

– Не пьет, а по бутылочке всегда приносит.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да это ж... что ж? Разве это пьет? Так-то пьет – это не страшно.

– С бутылочки все и начинается, – стал тоже рассуждать Витька.

Мать опять засмеялась.

– Нет, у него тоже уж теперь – не начинается. Сам не молодой. Нет, так-то... зачем же зря человека хаять? Не надо. Не витязь, конечно, но...

– Какой уж там витязь – гусь!

– Не надо так! – строго велела мать. – Разговорился! Малой еще – так разговаривать. Ишь ты... Подрости сперва, потом уж рассуждай. А то... больно языкастые нынче стали.

И опять пришел дядя Володя.

Витька увидел его раньше, в окно.

– Идет! – крикнул он.

– Кто?

– Ну, кто?... Хрустальный!

– Витька! – сердито сказала мать. – Ну-ка, отойди оттуда, не торчи.

Витька отошел от окна.

– Играть, что ли?

– Играй, какую-нибудь... поновой.

– Какую? Может, марш?

– Да зачем же марш-то? Генерал, что ли, идет? Вот, какую-то недавно учил...

– «Венок Дуная»? Мы его еще не одолели. Давай «Смешное сердце»?

– Играй. Она грустная?

– Помоги-ка снять... Не так чтобы очень грустная, но за душу возьмет. Ручаюсь.

Мать сняла со шкафа тяжелый баян, поставила Витьке на колени.

– Там есть, например, такие слова: «Смешное сердце, не верь слепой надежде: любовь уходит...» Куда уж грустней – зареветь можно.

– Да уж...

Витька заиграл «Смешное сердце».

Вошел дядя Володя, аккуратно отряхнул шляпу у порога и тогда только сказал:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, Владимир Николаич, – приветливо откликнулась мать.

Витька перестал было играть, чтоб поздороваться, но увидел, что дядя Володя не смотрит на него, отвернулся и продолжал играть.

– Дождик, Владимир Николаич?

– Сеет. Пора уж ему и сеять.

Дядя Володя говорил как-то очень аккуратно, состоятельно, точно кубики складывал. Положит кубик, посмотрит – переставит. За время, пока он сюда ходил,

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru он осмелел, вошел во вкус единоличного говорения – когда слушают.

– Пора... Сегодня у нас... что? Двадцать седьмое? Через три дня – октябрь месяц. Пойдет четвертый квартал.

– Лист облетел? – спросил Витька.

– Весь. Отдельные листочки еще трепыхаются, но... скоро и эти слетят.

Дядя Володя прошел к столу, вынул из портфеля бутылку шампанского. Поставил на стол.

– Все играешь, Витя?

– Играет! – встряла мать. – Приходит из школы и начинает – надоело уж... В ушах звенит.

Это была несусветная ложь; Витька даже приостановился играть, изумленно глянул на мать... и продолжал играть. Вообще Витьку удивляло, что мать, обычно такая живая, острая на язык, с дядей Володей во всем тихо соглашалась.

– Хорошее дело, – похвалил дядя Володя. – В жизни пригодится. Вот пойдешь в армию: все будут строевой шаг отрабатывать, а ты – в Красном уголке на баяне тренироваться.

– На баяне не тренируются, – сказал Витька. – Тренируются на турнике.

– А на баяне что же делают?

– Репетируют.

Дядя Володя снисходительно посмеялся... Посмотрел на мать, показал глазами на Витьку.

– Все знают.

– Ну, они нынче...

Витька тоже посмотрел на дядю Володю... И ничего не сказал. Продолжал играть «Смешное сердце».

– Садитесь, Владимир Николаич. Садитесь.

– Если талант есть – большое дело, – продолжал дядя Володя, сев за стол. – С талантом люди крепко живут.

– Наоборот, – опять не выдержал Витька. – Юрка говорит: талантливым всегда первым попадает.

– Витя!..

– Какой Юрка?

– Да мальчик тут один... по соседству, – пояснила мать. – Давайте, Владимир Николаич...

– С плохими товарищами не знайся, – сказал дядя Володя.

– Да он хороший мальчик... учится хорошо. На квартире здесь живет. Витя, ты если сел играть, играй.

– Играю.

– Попадает, Виктор, не талантам, попадает... неслухам, грубиянам – этим попадает, верно. А талант... – это талант. Ну, и учиться, конечно, надо – само собой.

– Вот учиться-то... – Мать строго посмотрела на Витьку. – Леня-матушка!.. Вперед нас, видно, родилась.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Витька поддал на баяне.

– Витька, смори маленько. В ушах, правда, звенит.

– Плохо с учебой, Виктор?

– Чего только не делаю: сама иной раз сяду с ним: «Учи! Тебе ведь надо-то, не мне». Ну!.. В одно ухо влетело, в другое вылетело. Был бы отец-то... Нас-то много они слушают!

– Отец-то пишет, Виктор?

– А чего ему писать? – отвечала мать. – Алименты свои платит и довольный. А тут роста как знаешь.

– Алименты – это удовольствие ниже среднего, – заметил дядя Володя. – Двадцать пять?

– Двадцать пять.

– Стараться надо, Виктор. Маме одной трудно.

– Понимали бы они...

– Ты пришел из школы, сразу раз – за уроки. Уроки приготовил – поиграл на баяне. На баяне поиграл – пошел погулял.

Мать вздохнула.

Витька играл «Смешное сердце».

Дядя Володя открыл бутылочку шампанского.

– Как она у нас – пук! – засмеялся он, довольный.

– Надо наклонять, – встрял Витька, – тогда и «пук» не будет.

– Шампанское должно пу... стрелять, – авторитетно сказал дядя Володя. – Прошу вас, Агриппина Игнатьевна. – И дядя Володя опрокинул шампанское в большой рот.

– Х-у-у, – сказал он и поморгал маленькими глазами, – в нос дает.

Витька захохотал.

Мать с укоризной поглядела на него.

– Держите, Агриппина Игнатьевна.

Мать тоже выпила... И долго улыбалась и вздрагивала.

– Стремиться надо, Витя, – продолжал дядя Володя, наливая еще два фужера.

– Уж и то говорю ему: «Стремись, Витька...»

– Говорить мало. Что говорить!

– Как же воспитывать-то?

Дядя Володя кивнул головой, приглашая Грушу опрокинуть фужерчик.

– Ху-у-у, – опять сказал он. – Все: пропустили по поводу воскресенья, и будет. – Дядя Володя закурил. – Я ведь злоупотреблял, крепко злоупотреблял...

– Вы уже рассказывали. Счастливый человек – сократились... Взяли себя в руки.

– Бывало, утром на работу идти, а от тебя, как от циклона, – на версту разит. Зайдешь, бывало, в парикмахерскую – не бриться, ничего – откроешь рот, он

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru побрызгает, тогда уж идешь. Хочешь на счетах три положить – кладешь пять.

– Гляди-ка!

– Да. В голове – дымовая завеса, – обстоятельно рассказывал дядя Володя, полагая, что это и занимательно, и поучительно. – А у меня еще стол напротив окна стоял, в одиннадцать часов солнце начинает в лицо бить – пот градом!.. И мысли же комичные возникают: в ведомости, допустим, написано: «Такому-то на руки семьдесят пять рублей». А ты думаешь: «Это ж сколько поллитр выйдет?!» Хе-хе... И ведь начинаешь делить, вот что самое любопытное. Делить начинаешь невольно!

– До чего можно дойти! – сочувственно заметила мать. – Ай-яй!

– Гораздо дальше идут. У меня приятель был – тот все по ночам шанец искал...

– Что это?

– Шанс. Он его называл – шанец. Один раз искал-искал, и показалось же ему, что кто-то позвал с улицы, шагнул с балкона – и все, не вернулся.

– Разбился?

– Ну, с девятого этажа... Он же не голубь мира. Когда летел, успел, правда, крикнуть: «Эй, вы что?!»

– Сердешный, – вздохнула мать.

Дядя Володя посмотрел на Витьку

– Отдохни, Виктор. Давай в шахматы сыграем. Заполним вакуум, как у нас главный говорит. Тоже бросил пить и не знает, куда деваться. Не знаю, говорит, чем вакуум заполнить. Давай – заполним.

Витька посмотрел на мать.

Мать улыбнулась.

– Ну отдохни, сынок.

Витька с великим удовольствием вылез из-под баяна... Мать опять взгромозила баян на шкаф, накрыла салфеткой.

Дядя Володя расставлял на доске фигуры.

– В шахматы тоже учись, Виктор. Попадешь в какую-нибудь компанию: кто за бутылку, кто разные фигли-мигли с женским полом, а ты – раз – за шахматы: «Желаете?» К тебе сразу другое отношение. У тебя по литературе как?

– Трояк.

– Плохо. Литературу надо назубок знать. Вот я хожу пешкой и говорю: «Е-два, Е-четыре, как сказал гроссмейстер». А ты не знаешь, где это написано. А надо бы знать. Двигай.

Витька походил пешкой.

– А зачем говорить-то: «Е-два, Е-четыре...»? – спросила мать, наблюдая за игрой.

– А – шутят, – пояснил дядя Володя. – Шутят так. А люди уже понимают: «Этого голый рукой не возьмешь». У нас в типографии все шутят. Ходи, Виктор.

Витька походил фигурой.

– А вот пили-то, – поинтересовалась мать, – жена-то как же?

– Жена-то? – Дядя Володя задумался над доской: Витька сделал неожиданно каверзный ход. – Реагировала-то?

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да, реагировала-то?

– Отрицательно. Из-за этого и разошлись, можно сказать. Не только из-за этого, но большинство из-за этого. Вот так, Витька! – Дядя Володя вышел из трудного положения и был доволен. – Из-за этого и горшок об горшок у нас получился.

– Как это? – не понял Витька.

– Горшок об горшок-то? – Дядя Володя снисходительно посмеялся. – Горшок об горшок – и кто дальше.

Мать тоже засмеялась.

– Еще рюмаху, Владимир Николаич?

– Нет, – твердо сказал дядя Володя. – Зачем? Мне и так хорошо. Выпил для настроения, и будет. Раньше не отказался бы. Я ведь злоупотреблял...

– Вы говорили уже. Не думаете сходить-то? – вдруг спросила мать.

– С кем, с ней? Нет, – твердо сказал дядя Володя. – Дело принципа: она мне параллельно с выпивкой таких... вещей наговорила... Я, по ее мнению, оказываюсь – «тоскливый дятел».

Мать и Витька засмеялись. Но мать тотчас спохватилась.

– Что же это она так? – сказала она якобы с осуждением той, которая так образно выразилась.

– Сильно умная! – в сердцах сказал дядя Володя. – Пускай теперь...

Пока дядя Володя волновался, Витька опять сделал удачный ход.

– Ну, Виктор!.. – изумился дядя Володя.

Мать незаметно дернула Витьку за штанину – уступи, мол. Витька протестующе дрыгнул ногой – он вошел в азарт.

– Так, Витенька... – Дядя Володя думал, сморщившись. – Ты так? А мы – вот так!

Теперь Витька задумался.

– Детей-то проведуете? – расспрашивала мать.

– Проведу. – Дядя Володя закурил. – Дети есть дети. Я детей люблю.

– Жалееет сейчас небось?

– Жена-то? Тайно, конечно, жалеет. У меня сейчас без вычетов на руки выходит сто двадцать. И все целенькие. Площадь – тридцать восемь метров, обстановка... Сервант недавно купил за девяносто шесть рублей – любо глядеть. Домой придешь – сердце радуется. Включишь телевизор, постановку какую-нибудь посмотришь. Хочу еще софу купить.

– Ходите, – сказал Витька.

Дядя Володя долго смотрел на фигуры, нахмурился, потрогал в задумчивости свой большой, слегка подкрашенный нос.

– Так, Витька... Ты так? А мы – так! Шахович. Софы есть чешские... Раздвижные – превосходные. Отпускные получу, обязательно возьму. И шкуру медвежью закажу...

– Сколько же шкура станет?

– Шкура? Рублей двадцать пять. У меня племянник часто в командировку в Сибирь ездит, закажу ему, он привезет.

– А волчья хуже? – спросил Витька.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Волчья вообще не идет для этого дела. Из волчьих дохи шьют. Мат, Витя.

Дождик перестал, за окном прояснилось. Воздух стал чистый и синий. Только далеко на горизонте громоздились темные тучи. Кое-где в домах зажглись огни.

Все трое некоторое время смотрели в окно, слушали глухие звуки улицы. Просторно и грустно было за окном.

– Скоро зима, – вздохнула мать.

– Это уж – как положено. У вас батареи не за... Хотя у вас же печное! Нет, у меня паровое. С пятнадцатого затопят. Ну, пошел. Пойду включу телевизор, постановку какую-нибудь посмотрю.

Дядя Володя надел у порога плащ, шляпу, взял портфель...

– Ну, до свиданья.

– До свиданья.

– Виктор, а кубинский марш не умеешь?

– Нет, – сказал Витька.

– Научись, сильная вещь. На вечера будут приглашать. Ну, до свиданья.

– До свиданья.

Дядя Володя вышел.

Через две минуты он шел под окнами по тротуару, осторожно обшагивая отставшие доски, – серьезный, сутуловатый, положительный.

Мать и Витька проводили его взглядами... И долго молчали.

– Так это что же, – не скрывая изумления, заговорила мать, – он так и будет ходить теперь? Чего же ходить-то?

– Тоже ж... один кукует, – сказал Витька. – Вот и ходит. Гнать его в три шеи!

– А?

– Так и будет ходить. А чего ему?

Мать все никак не могла понять:

– Нет, так чего же тогда ходить? Нечего и ходить тогда.

Витька о чем-то вдруг задумался.

Дня через два они с Юркой решали одну хитроумную задачу. Волновались, спорили.

Тут же, в избе, у порожка, старик Наум налаживал улей.

– Если тут вот подпилить, он здесь наступит – она только вон где сработает. Она же не достанет его. – Так рассуждал умный Юрка.

– Пошто не достанет?

– А рычаг-то вот где! Вот – нога наступила, а вот – рычаг, а вот аж где голова.

– Ну, а как?

– Надо рычаг ближе... И под тротуаром маленько подрывать...

– Кого эт там пилить-то собираетесь? – спросил старик.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Кто собирается? – поспешно сказал Витька. – Никто не собирается.
- Пакостить чего-нибудь надумали?
- Одно на уме! – воскликнул Витька.
- Это у вас одно на уме: где бы напакостить.
- Дед, – вступил Юрка, – надо сперва доказать, потом уж говорить. Чего же зря-то говорить?
- Да ну его, – прошептал Витька. – Я понял: надо доску короче выбрать. Эти, другие, все маленько с виду подпортить, а эту нарочно сверху подновить – чтоб он на нее и наступил. Понял? Он наступит... Понял?
- А вдруг другой кто-нибудь пойдет и наступит?

Витька об этом не подумал.

- А знаешь как? Как ему выходить, я выскочу и незаметно чурбак вытащу. А до этого чурбачок будет подпирать, чтоб никто не провалился. У нас там ходят-то – в день три человека. Я это все там сделаю.

И опять было воскресенье. Опять приходил дядя Володя. Приносил бутылку шампанского... Опять играли с Витькой в шахматы, опять говорили с матерью о сервантах, коврах и... алкоголиках. Долго, нудно...

А теперь дядя Володя стоял у порога и обстоятельно, нудно прощался.

- Ну, до свиданья.
- До свиданья, до свиданья, – говорила мать.
- Виктор, сейчас в моду входит летка-енка. Не умеешь?
- Не умею.
- Красивый танец.
- Все равно не умею.
- А вы, Агриппина Игнатьевна?... Не умеете?
- Не умею.
- Вообще-то... это... я бы на вашем месте научился. Попробуйте.
- Кто, я, что ли? – удивилась мать.
- Да.
- Танцевать?... Или на баяне?
- Нет, танцевать. Есть одно обстоятельство... Ну, ладно, потом. До свиданья.
- До свиданья.
- У меня тут родственники... У нас один диссертацию защищает... Ну, ладно, потом. До свиданья.
- До свиданья.

Дядя Володя вышел.

Мать не знала, сердиться ей или смеяться.

- Так и не отелился. Мычал, мычал – и никак. Вот же смешной человек!

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Сейчас он у нас... захочет, – тихонько сказал Витька, глядя в окно.

В окне показался дядя Володя – серьезный, даже несколько важный...

Вдруг дядя Володя делает руками – так, и его по шляпе хлопает доска...

– Хватить миндальничать! – сказал дядя Коля. Они разговаривали с матерью в большой комнате. А в маленькой горенке сидел грустный Витька и катал по столу бильярдный шар. – Дальше еще хуже будет. Испортим парня... Завтра поедет ко мне и поживет пока. До зимних каникул хотя бы. Не реви, не хуже делаю, не хуже. Наоборот, мои ребятишки ему там по школе помогут.

Мать Витькина плакала, вытирала слезы концом платка.

– Жалко, Коля... Сердце запеклось, ничего тебе и сказать-то путем не могу... Жалко...

– Да что, насовсем, что ли! – убеждал брат. – Да было бы хоть далеко!.. Двадцать верст – эка! Ну, приедешь когда, попроведуешь... До Нового года-то пускай поживет. Не даст он вам тут дело наладить, не даст. А наладить надо. И зря ты про мужика так думаешь, зря. Хороший мужик...

– Да больно уж он какой-то...

– Какой? А тебе что, красавца кудрявого...

– Да не красавца! У него же разговоров больше нету: пить бросил да мебель покупает.

– Ну и что, хорошее дело.

– Да что же – все об одном да об одном.

– Ну, рад, что бросил, вот и говорит про это. Потом, не знаю, конечно, но ему тоже, наверно, охота с лучшей стороны себя показать. Вот – мебель покупает. Бабам же нынче что – лишь бы не пил да деньги зря не мотал. Вот он и жмет на это. Его тоже понять надо. Мой тебе совет: не торопись с выводами. Подожди. А Витьку я заберу. И не переживай: хуже не будет. Будет только лучше.

– У тебя у самого там тесно...

– Ничего.

– Да Нюра бы не осердилась. Скажет – во-от, еще племянника привез. Своих мало!

– Ну и дура будет, если так скажет. Да и не скажет сроду – поймет. Давай, нечего думать. Испортим парня. А так – мы его сейчас оторвем от всяких его дружков да от улицы, он волей-неволей за книжки сядет. Пусть поживет в деревне, пусть... Давай, собирай его – прямо сейчас и поедем. Чего тянуть-то? Да и мне надо сегодня же вернуться... Давай. Где он?

– Там.

Дядя Коля заглянул в комнату.

– Да где?

– Нету?! – испугалась мать. – Мать пресвятая Богородица!.. Здесь был!

Дядя Коля подошел к окну, тронул створки – они распахнулись.

– Не пужайся – здесь он где-нибудь. В окно вылез.

Мать кинулась сразу к Юрке.

Витька был там. Юрка и Витька сидели на лавочке, дед лежал на печке, но не хворал, а так – погреться залез. Молчали.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Быстро вошла встревоженная мать.

– Витька... Здравствуйте! Ох, Витька... – Мать успокоилась, но еще не могла отойти от быстрой ходьбы. – Что же ты ушел, сынок? Там дядя Коля ждет...

Витька, Юрка и старик молчали.

– Пойдем домой. – Матери стало неловко, потому что она почувствовала в их молчании суд себе.

– Что, Витька... в ссылку ссылают? – сказал старик.

– В какую ссылку?! – вспыхнула мать. – Что ты, дедушка, говоришь-то!

– Да я шутейно, – успокоил старик. – Так я... болтанул. В гости он поедет. Хорошее дело.

– Пойдем, Витя, – опять сказала мать.

Витька сидел. Молчал.

– Я не в осуждение говорю, – продолжал старик. – Кого осуждать? Такая теперь жизнь. Но вот раньше понимали: до семнадцати годов нельзя парня из дома трогать. У нас тада вся деревня на отхожий промысел ходила... И вот, кто поумней был – отцы-то, те до семнадцати лет сына в город не отпускали. Как ушел раньше, так все: отстал человек от дома. Потому что – не укрепился, не окреп дома, не пустил корешки. А как раньше время оторвался, так все: начинает его крутить по земле, как лист сухой. Он уж и от дома отстал, и от крестьянства... А потому до семнадцати, что надо полюбить первый раз там, где родился и возрос. Как полюбил на месте – дома, так тебе это и будет – родина. До самой твоей смерти. Тосковать по ей будешь...

– Чего ты, дедушка, мелешь лежишь! – осердилась мать. – «Полюбил», «не полюбил»... Чего попало! Пойдем, Витька.

Витька встал... Подал Юрке руку.

– Пока.

– До свиданья. Пиши.

– Ладно. Ты тоже пиши. До свиданья, деда.

– До свиданья, Витька. Не забывай нас.

– Господи, прямо как на войну провожают... – не могла скрыть удивления мать. – Или, правда, – на заработки куда. Он едет-то – двадцать верст отсюда! К дяде родному.

– Это хорошо, – опять сказал старик. – Чего же?

Потом, когда шли по улице, мать сказала:

– Тебе там хорошо будет, Вить.

Витька молчал.

– Неохота?

Витька молчал.

Мать тоже замолчала.

Зато дома мать выпряглась.

– Никуда он не поедет, – заявила она брату с порога. – Не пуцу. Вот.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Дядя засмеялся.

– Ну, конечно, не надо: а то он там.. потеряется. Заблудится. Волки его съедят... Витька, а ты-то чего? Тоже, как баба, елки зеленые! Чего ты? Мужик ты или не мужик?..

Ехали в деревню к дяде в легком коробке, сытая сильная лошадь бежала податливо. Коробок мягко качался на рессорах.

– Витька, почему ты не учишься, как все люди, – хорошо?

– Все, что ли, хорошо учатся! У нас в классе семь двоечников.

– А тебя разве самолюбие не заедает, что ты попал в эту семерку?

Витька промолчал на это.

– И все семь – мальчишки? Или и девчонки есть?

– Одна. Мы ее жучим, чтоб она исправлялась. Она бестолковая.

Дядя захохотал.

– Дак а себя-то... ха-ха-ха!.. Себя-то чего не жучите? О какие!.. А вы-то чем умнее – такие же двоечники, как она. А? Витьк?

– Она к нам не касается. Она же работать не пойдет.

– Во-он вы куда-а!.. – понял дядя. – Вот оно что. Та-ак. Ну и кем, например, ты хочешь работать? Когда подрастешь мало-мало.

– Шофером.

Дядя даже сплюнул в огорчении.

– Дурак! Вот дурак-то! Это вас кто-нибудь подговаривает там? Или вы сами придумали – с работой-то?

– Сами.

– Вот долдоны-то! А учителя знают про ваш уговор?

– Нет. По восемь классов мы как-нибудь кончим...

– Тьфу! – расстроился дядя. – Хоть поворачивай и выдавай всю эту... шайку. Ты думаешь, шофером – хитрое дело? Это ведь кому уж деваться некуда, тот в шофера-то идет. Голова садовая! Ну, ничего, ничего! Я возьмусь за тебя. Шофером!.. Да это уж кого приперло: грамотешки нет – ну, в шофера. А так-то его бы черт туда затолкал, в шофера-то. А тебе... Ну, ничего, я тебя направлю на путь истинный. Ты у меня пятерочник будешь – на удивление всем.

А ехали лесом, воздух в лесу был зеленый. Тишина пугала. Витьке было интересно... И грустно.

Ох, то-о... –
запел вдруг дядя негромко, задумчиво, –

...То не ве-ете-ер ве-етку клонит,
Ох, да не дубра-авушка-а шумит:
То-о мое, ох, мое сердечко сто-онет,
Как, ох, как осе-енни-ий лист дрожи-ит...
И замолчал. И задумался.

– Эх, Витька-а, – сказал дядя невесело, – махнулся б я с тобой годами. Эх, и махнулся бы – не глядя! Я б – не то что учиться, я бы черту рога свернул. Знаю теперь, как их свернуть можно, только... Но нам, Витька, война дорогу пере-ехала. Война, будь она проклята. Не война, так я б теперь высоко-о летал. Да-а... А ты

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru учиться не хочешь. Глупыш ты такой.

– Мама же вон не воевала, а тоже не выучилась.

– Мама не воевала, зато с голоду пухла здесь... Мама лет с пятнадцати работать пошла. Чего ты на маму киваешь? Счас не то время. Счас ты бо-ольшого дурака сваляешь, если не выучишься. Большого, Витька. Попомни мое слово.

...Приехали в деревню затемно.

Распрягли во дворе лошадь, дали ей овса.

– Ну, пойдём знакомиться... Не робей, там все свои.

В большой прихожей избы сидела за столом одна только круглолицая, ясноглазая, чем-то отдаленно напоминающая Витькину мать девушка, учила уроки.

– Знакомьтесь, брат с сестрой, – сказал дядя Коля.

– Это Витя? – радостно спросила девушка.

– Витя. Собственной персоной. – Дядя разделся, взял у Витьки чемодан. – Раздевайся, Витька, будь как дома. Где все-то? Мать...

– Телевизор у Баевых смотрят.

– А наш чего же?

– Опять сломался. Раздевайся, Витя! Давай, я тебе помогу. Ну?... Меня Ольгой зовут... – Ольга помогла Витьке снять пальтишко. Была она рослая, красивая и очень какая-то простая и приветливая. Витьке она очень понравилась.

– Надо же: такие глаза, и парню достались! – засмеялась Ольга.

Глаза у Витьки, правда, девичьи: большие, синие. Витька смутился. Нахмурился.

– Ты сперва не глаза разглядывай, – строго сказал отец, – а давай-ка накорми нас. Потом уж глаза разглядывай. А потом сделаешь мне его отличником. Срок – три месяца.

В городке дела хоть медленно, но подвигались к завершению.

В одно воскресенье Владимир Николаич пригласил Грушу к себе домой.

Шли принаряженные по улицам городка.

– Меня тут... некоторые знают... – предупредил Владимир Николаич, – могут окликнуть или позвать... куда-нибудь.

– Куда позвать?

– В пивную. Не надо обращать внимания. Ноль внимания. Я их больше никого не знаю, оглоедов. Чужбинников. Я сейчас опять на почете стал... Меня в приказах отмечают. Они злятся. Им же ведь все равно: уровень, не уровень – лезут!..

– А самого-то не тянет больше к ним?

– К ним?! Я их презираю всех до одного!

– Хорошо, – искренне похвалила Груша. – Это очень хорошо! Теперь жить да радоваться.

– Я и так пропустил сколько времени! Я бы уж теперь главным был.

– А теперь-то еще опасаются пока главным-то ставить?

– Я думаю, что уже не опасаются. Но дело в том, что у нас главным работает

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru старичок... Он уже на пенсии вообще-то, но еще работает, козел. Ну, вроде того, что – неудобно его трогать. Но думаю, что внутреннее решение они уже приняли: как только этот козел уйдет, я занимаю его кабинет.

Пошли через городской парк.

Там на одной из площадок соревновались городошники. И стояло много зрителей – смотрели.

Владимир Николаич и Груша остановились тоже, посмотрели...

– Делать нечего, – негромко сказал Владимир Николаич, трогаясь опять в путь.

– А у вас, Владимир Николаич, я как-то все не спрошу, родные-то здесь не живут?

– Здесь! – почему-то воскликнул Владимир Николаич. – Тут вот в чем дело: они все на известном уровне, а я – отстал, когда принялся злоупотреблять-то. Ну, и... наметилось такое охлаждение. – Владимир Николаич говорил об этом, не сожалея, не огорчаясь, а как бы даже злясь на этих, которые «на известном уровне». – Но они об этом еще крупно пожалеют. Я им не... это... не мальчик, понимаешь, которого можно сперва не допускать к себе, потом, видите ли, допустить. У меня ведь так: я молчу, молчу, потом ка-ак покажу зубы!.. Меня же вот в районе-то – все же боятся. Как выезжаю куда с ревизией... А дело в том, что меня иногда как сильного бухгалтера просят из других учреждений съездить обревизовать на местах. Как приезжаю, так сразу говорят: «Дятел прилетел!» Страх и уважение нагоняю. Меня же ничем не купишь. Сколько уж раз пытались: то барана подсунут, то намекнут: мол, шифоньер по заказу сделаем или книжный шкаф... фигу! А один раз поехал в промартель, тут вот, километров за сорок, ну, сижу в конторе. Приходят: «Владимир Николаич, мы тут валенки хорошие катаем... Может, скатать?» Что ж, давайте, говорю. Я заплачу по прейскуранту, все честь по чести. Это не возбраняется. Ладно. Через два дня приносят валенки. Так они что сделали: чтоб угодить мне, взяли да голенища-то несколько раз – вот так вот – изогнули, изогнули... Раза в три слой получился.

– Как бурки?

– Как бурки, только это не бурки, а нормальные валенки, но с голенищами такая вот история. Ладно. Я помалкиваю насчет голенищ. Сколько, спрашиваю, стоит? Да ничего, мол, не надо. Кэ-эк я дал счетами по столу, как заорал: цена?! Полная стоимость по прейскуранту! И – развернуть голенища, как у всех трудящихся!.. Я вам покажу тут!..

Прохожие, некоторые, стали оглядываться на них – Владимир Николаич всерьез кричал.

– Потихе, Владимир Николаич, – попросила Груша. – А то оглядываются.

– Да, да, – спохватился Владимир Николаич. – Это не очень интеллигентно. Горячность чертова...

И вот пришли они домой к Владимиру Николаичу.

Этакая уютненькая квартирка в пятиэтажном кирпичном ковчеге... Вся напрочь уставленная и увешанная предметами.

– Ну-те-с... вот здесь мы и обитаем! – оживленно сказал хозяин.

И стал вежливо, но несколько поспешно предлагать Груше: снять плащик шуршащий, болонью, сесть в креслице, полистать журнал с картинками – с журнального столика на гнутых ножках... Вообще дома он сделался суетливым и чего-то все подхихикивал и смущался. И очень много говорил.

– Раздевайтесь. Вот так, собственно, и живем. Как находите? Садитесь. Я знаю, вы сейчас скажете: не чувствуется в доме женской руки, женского глаза. Что я на это скажу? Я скажу: я знаю! Не хотите? – журнальшечка... Есть любопытные картинки. Как находите квартирку?

– Хорошо, хорошо, Владимир Николаевич, – успела сказать Груша.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Нет, до хорошего тут еще... Нет, это еще не называется хорошо. – Владимир Николаевич налаживал стол: появилась неизменная бутылка шампанского, лимоны в хрустальной вазочке, конфеты – тоже в хрустальной вазочке. – Хорошо здесь будет... при известных, так сказать, обстоятельствах.

– Холодильник-то как? В очереди стояли?

– В очереди. Мы вместе в очереди-то стояла, а когда разошлись, я сходил да очередь-то переписал на новый адрес – на себя. Она даже не знает – ждет, наверно. – Владимир Николаич посмеялся. – Ругает, наверно, советскую власть... Прошу! Сейчас мы еще музыку врубим... – Владимир Николаич потрусил в другую комнату и уже оттуда сообщил: «Мост Ватерлоо»!

И из той комнаты полилась грустная, человечнейшая мелодия.

Владимир Николаевич вышел довольный.

– Как находите? – спросил.

– Хорошо, – сказала Груша. – Грустная музыка.

– Грустная, – согласился Владимир Николаич. – Иной раз включишь один, плакать охота...

Груша глянула на него... И что-то в лице ее дрогнуло – не то жалость, не то уважение за слезы, а может, – кто знает? – может, это любовь озарила на миг лицо женщины.

– Прошу! – опять сказал Владимир Николаич.

Груша села за стол.

– Нет, жить можно! – воскликнул Владимир Николаич. И покраснел. Волновался, что ли. – Я так скажу, Агриппина Игнатьевна: жить можно. Только мы не умеем.

– Как же? Вы говорите, умеете.

– В практическом смысле – да, но я говорю о другом: душевно мы какие-то неактивные. У меня что-то сердце волнуется, Груша... А? – Владимир Николаич смело воткнулся своим активным взглядом в лицо женщины, в глаза ей. – Груша!

– А?

– Я волнуюсь, как... пионер. Честное слово.

Груша смутилась.

– Да чего же вы волнуетесь?

– А я не знаю. Я откуда знаю? – Владимир Николаич с подчеркнутым сожалением перевел взгляд на стол, налил в фужеры шампанского. – Выпьем на брудершафт?

– Как это? – не поняла Груша.

– А вот так вот берутся... Дайте руку. Вот так вот берут, просовывают, – Владимир Николаич показал как, – и выпивают. Вместе. М-м?

Груша покраснела.

– Господи!.. Да для чего же так-то?

– А вот – происходит... тесное знакомство. М-м?

– Да что-то я... это... Давайте уж прямо выпьем?

– Да нет, зачем же прямо? Все дело в том, что тут образуется кольцо.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да неловко ведь так-то.

– Да чего тут неловкого?.. Ну, давайте. Смелей! Музыка такая играет... даже жалко. Неужели у вас не волнуется сердце? Не волнуется?

– Да нет, волнуется... Господи, чего говорю-то?.. Зачем говорить-то об этом?

– Да об этом целые книги пишут! – взволнованно воскликнул Владимир Николаич. – Поэмы целые пишут.

Груша все никак не могла уразуметь, почему надо выпить таким заковыристым образом.

– Ну?.. – торопил Владимир Николаич. Он и правда волновался. Но жесты его были какие-то неуверенные, незавершенные. – Ну? А то шампанское выдыхается.

– Да давайте прямо выпьем, какого лешего мы будем кособочиться-то?

– Так образуется два кольца. Неужели непонятно? После этого переходят на «ты».

– Ну и перейдем на «ты»... без этих фокусов.

– Мы ломаем традицию. Традицию не надо ломать. Смелей!.. Просовывайте сюда вот руку... – Владимира Николаича даже слегка трясло. – Музыка такая играет!.. Мы ее потом еще разок заведем.

– Вот наказание-то! – воскликнула Груша. И засмеялась.

Витьку принялись подгонять в учебе сразу три отличницы: сестра Оля и две ее подружки, Лидок и Валя. Все девушки рослые и, как показалось Витьке, на редкость скучные. Особенно Витька невзлюбил Лидок. Лидок без конца сосала конфеты и поглаживала Витьку по голове. Витька стряхивал ее руку и огрызался. Девушки смеялись.

– Ну! – скомандовала Оля. – Повторим домашнее задание.

– Хоть уж в воскресенье-то... – попробовал было увильнуть Витька. Но Оля была непреклонна:

– Никаких воскресений! Ты у нас будешь... Циолковским.

– Нет, он у нас будет Жолио Кюри. – Лидок погладила Витьку по голове. – Верно, Витя?

– Да иди ты! – Витька так тряхнул головой, что у него шея хрустнула.

Девушки засмеялись.

– Не хочет. А кем же ты хочешь, Витя?

– Золотарем.

Лидок не знала такой профессии. Решила, что это что-то связанное с золотом.

– Ну, Витя, это тяжело. Это где-то в Сибири – там холодно.

Витя, в свою очередь, посмеялся от души. И не стал объяснять невестам, кто есть золотарь.

Сели за стол.

– Ты таблицу умножения знаешь, конечно? – начала Лидок.

– Знаю, конечно.

– Перемножь вот эти цифры. Только не сбейся.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Витька умножил скучное число на число еще более скучное, получил скучнейший результат.

– На.

– Пра-ально. Еще. Тренируйся больше.

– Ну и дура ты! – не выдержал Витька.

Лидок сделала большие глаза и перестала сосать конфетку.

– Витя, да ты что?! – изумилась сестра Оля. – Разве так можно?

– А чего она?..

– Чего она?

– «Тренируйся»... Кто же тут тренируется? Тренируются на турнике или в футбол.

– А зачем же обзывать-то? Нехорошо это.

– А еще – городской! – вставила Валя.

– Они, городские-то, хуже наших, – заметила Лидок. – Получают там раннее развитие... и начинают. – Она опять принялась сосать конфетку. – Давай дальше. Умножь от это на это.

Витька стал умножать.

Лидок склонилась над ним сзади и следила.

– Непра-ально, – сказала она. – семью восемь – сколь-ко?

– Пятьдесят шесть.

– Ну... А ты сколько пишешь?

– Шесть пишем... А!

– Ну, о-от.

Витька принялся снова вычислять.

Лидок стояла над ним.

– Та-ак, та-ак...

– Перестань сосать свои конфеты! – взорвался Витька.

Лидок толкнула ладошкой Витьку – носом к тетрадке.

– Умножай.

– Дура, – сказал Витька.

– Папа! – позвала сестра Оля.

Из горницы вышел дядя, строгий и озабоченный: он составлял какой-то отчет, на столе в горнице лежал ворох всяких ведомостей.

– Как же ему помогать? – пожаловалась Оля. – Он на нас говорит – «дуры».

– Зайди ко мне, – велел дядя Коля.

Витька без робости зашел к дяде в горницу.

– Вот что, дорогой племянничек, – заговорил дядя, стоя посреди горницы с бумажкой в руке, – если ты будешь тут язык распускать, я с тобой по-другому

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru поговорю. Понял? Я тебе не мать. Понял?

– Понял.

– Вот так. Иди извинись перед девками. Они целые невесты уж, а ты... Сопляк какой! С ним же занимаются, и он же начинает тут, понимаешь... Иди.

Витька вышел из горницы. Сел на свое место. Девушки неодобрительно посматривали на него.

– Попало? – спросила Лидок.

Витька взял чистый лист бумаги... подумал, глядя на крупную Лидок... И написал размашисто, во весь лист: «ФИФЫЧКА». И показал одной Лидок.

Лидок тихонько ахнула, взяла лист и тоже что-то написала. И показала Витьке.

«ШИРМАЧ ГОРОДСКОЙ» – было написано на листе.

Витька не понял, что это такое. Взял новый лист и написал: «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА».

Лидок фыркнула, взяла лист и быстро написала: «ТЫ ЕЩЕ НЕ ДОРΟΣ».

Витька долго думал, потом написал в ответ: «СВЕЖАСРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО ДУБ».

Лидок быстро нагнулась и выхватила лист у Витьки. И пошла было с ним в горницу.

– Ну давай умножать-то?! – воскликнул Витька. – Чего ты бегаешь-то туда-сюда?

Какой-то родственник Владимира Николаича защитил диссертацию. По этому случаю давался банкет в ресторане. Приглашены были и Владимир Николаич с Грушей.

Опять шли улицей городка. Опять было воскресенье; где-то из громкоговорителя рвалась железная музыка.

Шли под ручку. И были нарядны пуще прежнего.

– Я вот этого знаю, – негромко сказал Владимир Николаич. – Только не оглядывайся! Попозже оглянись.

Груша прошла несколько шагов и оглянулась.

– Ну? И что?

– Он раньше в Заготконторе работал... Мы однажды приехали с ним в командировку, он говорит: «У меня тут приятель в доме отдыха, пойдём к нему». Ну, пошли к приятелю... Выпили, конечно. И вот этот, который сейчас прошел-то, Струков его фамилия, берет гитару и начинает петь «Не шей ты мне матушка». Потом идет в прыгательный бассейн... А там какие-то соревнования по прыжкам были. Он идет с гитарой на самую вышку и прыгает солдатиком – и поет.

– Да он что?!

– И что характерно: даже когда летел, он умудрялся играть на гитаре. Потом вынырнул, вылил из гитары воду и все равно продолжал играть и петь.

– В воде-то? Как же?

– Ногами работал... Ну, конечно, сообщили на работу. Приходил ко мне: «Напиши, как свидетель, что я случайно сорвался».

– Ну, и ты что?

– Ничего. Что я, дурак, что ли? Он случайно зашел на вышку, случайно прыгнул, случайно плавал в бассейне и орал... Все случайно! Кто поверит? Не стал я ничего писать.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну, выгнали? С работы-то?

– Наверно. Не знаю, не встречал его после. Наверно, выгнали. Таких спортсменов долго не держат.

– Вот дурак-то!

– Не дурак! Какой он дурак? Это так называемые духари: геройство свое надо показать. Я, если напивался, сразу под стол лез...

– Под стол?

– Не специально, конечно, лез, но... так получалось. Я очень спокойный по натуре. В ресторане для банкета был отведен длинный стол у стены.

Приглашенные, некоторые, уже сидели за столом. Сидели чинно, прямо. Строго поглядывали на другие столики, где ужинали, выпивали, курили, разговаривали...

Играла музыка, низенький, толстый человек пел итальянскую песню.

– Гордо, но – с уважением, – учил второпях Владимир Николаич, пока они с Грушей шли через зал к банкетному столу. – Станут интересоваться, где работаешь, – фабрика тонкорунного волокна. Все. Кем – неважно. В поведении можно быть немного небрежнее. Вон та, в голубом платье... Да вон, вон!.. – зашипел Владимир Николаич, показывая глазами. – Возле самовара-то!

– Ну?

– Эту опасайся насчет детского воспитания: она в садике работает, какая-то там начальница, – загрызет...

– За что?

– Все. – Владимир Николаич широко заулыбался, полу-поклонился всем и пошел здороваться с каждым отдельно.

Груша следовала за ним. На нее смотрели вопросительно, строговато. Женщина в голубом платье посмотрела даже подозрительно. Груша очень смущалась.

Наконец они сели на отведенное им место. Получилось – напротив женщины в голубом, а по бокам пожилые и не очень пожилые, серьезные люди, явно не завсегдатаи ресторанные, больше того, кажется, презирающие всех, кто в тот вечер оказался в ресторане.

Смотрели в зал, переговаривались. Делали замечания. Не одобряли они все это – весь этот шум, гам, бестолковые разговоры.

– А накурено-то! Неужели не проветривается?

– Дело же в том, что тут специально одурманивают себя. Зачем же проветривать?

– А вон та, молоденькая... Вон-он, хохочет... Заливается!

– С офицером-то?

– Да. Вы посмотрите, как хохочет! – будущая мать.

– Почему будущая? У них сейчас это рано...

– Это уж вы меня спросите! – воскликнула женщина в голубом. – Я как раз наблюдаю... результат этого хохота.

– А где наш диссертант-то? – спросил Владимир Николаич.

– За руководителем поехал.

– За генералом, так сказать?

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– За каким генералом?

– Ну, за руководителем... Я имею в виду Чехова, – пояснил Владимир Николаич. И повернулся к Груше: – У него руководитель – какой-то известный профессор.

– А ты говоришь, генерал.

– Ну, генерал – в переносном смысле, – даже рассердился Владимир Николаич. Но говорил он негромко. – Я шучу так. Ты тоже пошути с кем-нибудь... Состри чего-нибудь. Чего сидишь, как...

Груша, изумленная таким требованием, посмотрела на своего жениха... И ничего не сказала.

– Немножко будь оживленнее, – уже мягче сказал Владимир Николаич. – Не теряйся, я с тобой. Покритикуй алкоголиков, например.

Груша молчала.

А вокруг говорили. Подходили еще родственники и знакомые диссертанта, здоровались, садились и включались в разговор.

– Кузьма Егорыч, – потянулся через стол Владимир Николаич к пожилому, крепкому человеку, – не находишь, что он слишком близко к микрофону поет?

– Нахожу, – кивнул пожилой, крепкий. – По-моему, он его сейчас съест.

– Кого? – не поняли со стороны.

– Микрофон.

Ближайшие, кто расслышал, засмеялись.

– Сейчас вообще мода такая: в самый микрофон петь. Черт знает, что за мода.

– Ходит с микрофоном! Ходит и поет.

– Шаляпин без микрофона пел...

– Шаляпин! Шаляпин свечи гасил своим басом, – сказал пожилой, крепкий. Сказал так, как если бы он лично знал Шаляпина и видел, как тот гасил своим басом свечи.

– А вот и диссертант наш! – сказали родные.

К столу пробирался мимо танцующих мужчина лет сорока, гладко бритый, в черном костюме. И с ним – пожилой, добрый, несколько усталый, очевидно, профессор.

Встали, захлопали в ладоши. Женщина в голубом окинула презрительным взглядом танцующих бездельников.

– Прошу садиться, – сказал диссертант.

– А фасонит-то! – тихо воскликнул Владимир Николаич. – Фасонит-то! А сам на трояк, наверно, с грехом пополам натянул. Фраер.

– Откуда ты такие слова знаешь? – удивилась Груша.

– Боже мой! – в свою очередь удивился Владимир Николаич. – Выпивать-то с кем попало приходилось. Нахватался, так сказать.

Захлопали бутылки шампанского.

– Салют! – весело сказал один курносый, в очках. – В честь свежее испеченного кандидата.

– Товарищ профессор, ну, как он там? Здорово плавал?

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Профессор вежливо улыбнулся.

– За здоровье нового кандидата! – зашумели.

Кандидат встал.

– За здоровье наших дам! – сказал он.

Это всем очень понравилось.

Выпили. Потянулись к закуске. Разговор не прекращался.

– Огурчики соленые или в маринаде?

– Саша, подай, пожалуйста, огурчики. Они соленые или в маринаде?

– В маринаде.

– А-а, тогда не надо. У меня сразу изжога будет.

– Тебе подать в маринаде? – спросил Владимир Николаич Грушу.

– Подай.

– Саша, подай-ка, пожалуйста, в маринаде. Что там за огурчики?..

– А танцуют ничего. А?

– Сергей... уже отметил. Слышите?! Сергей уже отметил: «Танцуют ничего». Засмеялись.

– Подожди, он сам скоро пойдет. Да, Сергей?

– Можно. А что?

– Неисправимый человек, этот Сергей!

Владимир Николаич потыкал вилкой в огурчики, в салат... Потянулся поговорить с Кузьмой Егорычем. Но его как-то не замечали.

Поднялся курносый в очках.

– Позвольте?!

– Тише, товарищи!

– Дайте тост сказать! Двинь, Саша.

– Товарищи! За дам уже выпили... Это правильно. Но все-таки мы собрались здесь сегодня не из-за дам...

– Да, не из-за их красивых глаз.

– Да. Мы собрались... приветствовать нового кандидата, нашего Вячеслава Александровича. Просто, нашего Славу! И позвольте мне тут сегодня скаламбурить: слава нашему Славе!

Посмеялись, но недружно.

Курносый посерьезнел.

– Мы надеемся, Слава, что ты нас... так сказать, не подведешь в своей дальнейшей деятельности.

Захлопали. Курносый сел было... Но тут же вскочил.

– И позвольте, товарищи... Товарищи, и позвольте также приветствовать и

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru поздравить, так сказать, руководителя, который направлял, так сказать, и всячески помогал, и являлся организатором руководимой идеи! За вас, товарищ профессор!

Опять захлопали. Дружно захлопали.

Еще закусили. Но больше налегали на разговоры.

Кузьма Егорыч и человек с золотыми зубами наладили через стол разговор с укорами. А так как гремела музыка, то и они тоже говорили очень громко.

– Что не звонишь? – спросил Кузьма Егорыч.

– А?

– Не звонишь, мол, почему?!

– А ты?

– Я звонил! Тебя же никогда на месте нет.

– А я виноват, что меня нет на месте?

– Ну, так позвонил бы хоть! Я-то на месте.

– А я звонил вам, Кузьма Егорыч, – хотел влезть в разговор Владимир Николаич.

– А? – не расслышал Кузьма Егорыч.

– Я, говорю, звонил вам!

– Ну и что? А чего звонил-то?

– Да так. Хотел... это...

Но Кузьма Егорыч уже отвернулся.

– А где бываешь-то? В командировках, что ли? – опять стал допрашивать он человека с золотыми зубами.

– В командировках, – откликнулся тот. Но говорить ему не хотелось, он больше посматривал на танцующих.

– Ну, как? – спросил Владимир Николаич Грушу. – Ничего?

– Ничего, – сказала Груша. – Долго тут будем?

– А что?

– Да ничего, просто спросила.

– Не нравится, что ли?

– Нравится.

– Я уж думал, тебя перевели куда! – кричал Кузьма Егорыч.

– Никуда меня не перевели.

– Думаю, повысили его, что ли?!

– Дождись, повысят! Скорей повесят.

– Ха-ха-ха-ха!..

– Ну, что, Таисья Григорьевна? – обратился Владимир Николаич к женщине в голубом. Но женщина в голубом постучала вилкой по графину и сказала всем:

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Товарищи, давайте предложим им нормальный, хороший вальс! Ну что они... честное слово, неприятно же смотреть!

– В чужой монастырь, Таисья Григорьевна, со своим уставом не ходят.

– Почему не ходят? Мы же в своей стране, верно же? Давайте попросим сыграть вальс.

– Не надо. Не наше дело: пусть с ума сходят.

– А вот это... очень неправильное суждение! В корне неправильное!

– Да хорошо танцуют, чего вы? – сказал человек с золотыми зубами. – Я был бы помоложе, пошел бы... подергался.

– Именно – подергался. Разве в этом смысл танца?

– А в чем?

– В кра-со-те, – отчеканила Таисья Григорьевна.

– А что такое красота? – все пытался тоже поговорить Владимир Николаич. – А, Таисья Григорьевна? Если вы находите, что, допустим, вот этот виноград...

– Нет, Алексей Павлыч, вы что, не согласны со мной?

– Согласен, согласен, Таисья Григорьевна, – сказал человек с золотыми зубами. – Конечно, в красоте. В чем же еще?

Владимир Николаич помрачнел.

– Пойдем домой? – предложила Груша.

– Подожди. Неловко. Поймут как позу.

– Саша, Саш!.. У тебя Хламов был? – разговаривали за столом.

– Был. Позавчера.

– Ну, как он?

– Он в порядке!

– Да? Устроился?

– Да.

– Довольный?

– Что ты!..

– Пойдем, Володя, – еще сказала Груша.

Владимир Николаич вместо ответа постучал вилкой по графину.

– Друзья! Минуточку, друзья!.. Давайте организуем летку-енку? В пику этим...

– Да что они вам?! – вконец рассердился человек с золотыми зубами. – Люди танцуют – нет, надо помешать.

Владимир Николаич сел.

Помолчал и сказал негромко:

– Ох, какие мы нервные! Ах ты, батюшки!..

Взял фужер с шампанским и выпил один.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Володя, ты что это? – встревожилась Груша.

– Какие мы все... воспитанные, но слегка нервные! – не мог успокоиться Владимир Николаич. – Зубы даже из-за этого потеряли.

Никто не слышал его. Их с Грушей как будто даже и не было за столом – никто с ними не общался, никому не было до них дела.

– Какие мы все нервные! Да, Таисья Григорьевна?! – повысил голос Владимир Николаич, обращаясь к женщине в голубом. – Воспитанные, но слегка нервные. Точно?

Таисья Григорьевна внимательно посмотрела на него.

– Нервные, говорю, все!.. – Владимир Николаич насильственно посмеялся.

– Что, опять? – спросила Таисья Григорьевна.

– А вы только не смотрите, не смотрите на меня таким... крокодилом-то: я же не в детсадике. Верно? Что вы на меня так смотрите-то?

К Владимиру Николаичу повернулись, кто сидел ближе и слышал, как он заговорил.

Владимир Николаич встал.

– Пойдем! – велел Груше.

И они вышли из-за стола... И пошли...

За столом замолчали. Смотрели вслед им.

Пробрались через танцующих...

Надели в гардеробе плащи...

И вышли из ресторана.

– Что с тобой? – спросила Груша.

Владимир Николаич молчал.

– Зачем надо было так уходить?..

– Помолчи! – резко сказал Владимир Николаич. Но спохватился, что – резко... Взял Грушу под руку. – Не сердись.

– Чего ты на них так?

– В гробу я их всех видел! – зло и громко сказал Владимир Николаич. И еще добавил: – В белых тапочках!

Витька ходил по избе и учил наизусть.

...Вот и солнце встает,
Из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет – песню поет,
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! Отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!
Витька передохнул и еще повторил:

Не боли ты, душа! Отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!
Подошел к окну и засмотрелся на улицу.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

По улице, поднимая пыль, шло стадо коров... Коровы мычали. Хлопали ворота, впуская кормилиц. А где ворота не открывались, там коровы сами пробовали рогами поддеть их. Мычали.

Вошла сестра Оля.

– Что не учишь? – спросила.

– Я выучил. – Витька был настроен грустно.

– Проверим, – сказала Оля. Взяла учебник... – какое задавали?

– «Утро».

– Давай. С выражением.

Витька стал читать:

Звезды меркнут и гаснут.
В огне облака,
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес...
– Здравствуй! – воскликнула Оля. – Поехал.

– Что?

– Куда заехал-то? «Дремлет чуткий камыш...».

– А-а!

Дремлет чуткий камыш. Тишь – безлюдье
вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая...
– Ладно. Еще что?

– Составить описание вечера в деревне.

– Составил?

– Составил.

– Читай.

Витька прочитал:

– «Вечер. Солнышко закатилось. Курицы залезли на длинные жердочки и заснули. Петух спел последний разок и тоже задремал. Ночью опять будет орать. Стало тихо. У нас в городе лучше».

– И все?

– Все.

Оля засмеялась.

– Вечером вместе напишем. Я сейчас в кино бегу. «Длинные жердочки». – Оля опять засмеялась. – На – письмо тебе от мамки.

Оля ушла, а Витька пристроился ближе к окну и стал читать письмо. Читал, и письмо слегка подрагивало в его руках...

Пришел дядя Коля с работы.

– Здорово, Витька. Что это?.. От мамки? Ну-ка, чего она там?

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Дядя Коля стал читать... Нахмурился, помычал, покусал губу...

– Ну! – сказал он огорченно. – Так у нас ничего не выйдет: не успел отъехать, она уже... ночей не спит. Эдак она себе всю душу растравит и нам тут... Чего так-то уж?

Дядя Коля посмотрел на Витьку.

Витька пожал плечами. Промолчал.

– Ты, Витька, читать читай, а к сердцу всякие эти... слова не допускай. Она – женщина, а ты – мужик, должен быть крепче ее. Садись и напиши ей: ты, мол, мамка, не блажи там, у меня, мол, все в порядке, и душу мне не бреди такими письмами. Я сам ей напишу. Мы ее сюда в гости позовем. Пусть возьмет с недельку за свой счет и приедет. Ладно, Витька?

Витька кивнул головой – ладно.

– Не расстраивайся, – сказал дядя Коля. И ушел в горницу.

Витька посидел немного у окна... И вышел из избы.

...И ушел он за деревню, на косогор... Сел и стал смотреть и степь.

Вечер был серый, темное небо образовало над степью крышу. Под этой крышей было пасмурно, тепло и просторно. На западе сквозь тучи местами пробивалась заря. Ее неяркий светло-розовый блеск делал общую картину еще печальней. Стал накрапывать мелкий-мелкий теплый дождик. Витька свернулся калачиком и лег. Земля была тоже теплая. Витьке сделалось совсем грустно. Он думал о матери...

Он вспомнил, как мать разговаривает с предметами – с дорогой, с дождиком, с печкой... Когда они шли в прошлом году из леса с грибами, она просила: «Матушка дороженька, помоги нашим ноженькам – приведи нас скорей домой». Или, если печка долго не разгорается, она выговаривает ей: «Ну, милая... ты уж сегодня совсем что-то... Чего раскапризничалась-то? Барыня какая». Витька любил мать, но они, к сожалению, не всегда понимали друг друга. Витьке, правда, очень хотелось быть шофером... А мать со слезами (вот еще не нравилось Витьке, что она часто плакала) умоляла его: «Учись ты ради Христа, учись, сынок! Ты видишь, такая теперь жизнь пошла – ученые-то вон как живут! Я осталась неученая, так хоть ты-то выучись. Нам с тобой надеяться не на кого». Этим ветеринаром, соседом, она все глаза протыкала Витьке. Когда он едет домой на своей машине, она всякий раз вздыхает и говорит: «Вот живет человек, Витька! Вот это – живет». Верно, что из-за этого Витька и выстегнул его свинье глаз. Левый. Два дня караулил ее у забора с рогаткой...

– Матушка степь, помоги мне, пожалуйста, – попросил Витька.

А в чем помочь, он сам хорошо не знал. Он хотел бы быть сейчас дома. А как это сделать?

Он незаметно заснул.

...Разбудил его дядя Коля.

Когда Витька проснулся, дядя Коля стоял над ним и снимал с себя брезентовый плащ. Все сеялся нехолодный мелкий дождик. Было совсем темно.

– Замерз? – спросил дядя Коля.

– Не...

– Нет... – Дядя Коля поднял Витьку и стал закутывать в плащ. Плащ громко шуршал, а дождик тихонько шумел. – Ох, Витька, Витька... обормот ты мой милый... – Он взял Витьку на руки и понес. Тут только увидел Витька, что рядом стоит конь. – Садись.

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Витька устроился на теплой конской спине. Дядя Коля сел впереди в седло.

– Ну, что? – спросил он, когда поехали.

– Ничего.

– Тоскуешь без мамки?

Витька промолчал.

– Что мне с вами делать? – вздохнул дядя Коля. – Охота помочь, и не знаю как. Вот же судьба, черт ее!.. Выпала. Стрел бы где-нибудь папу твою... родимого, я бы ему сказал пару ласковых. Дурак. Себе жизнь загробил и другим... Дурак, – еще раз крепко сказал дядя Коля. – Нашел радость в жизни. Пьют же люди, но не так же, чтобы все за ее, гадину, отдавать. Все, самое дорогое...

Дядя Коля закурил и долго молчал.

Ехали шагом.

Дождик перестал сеяться. Кое-где показались на небе звезды. По селу лаяли собаки. Разговаривали невидимые люди, слышался молодой беспечный смех. Близко где-то били палкой по чему-то мягкому, по перине, наверно, и приговаривали:

– Ты гляди, что делается – пыли-то! Пыли-то!

– Ничего, Витька... – заговорил дядя Коля. – Этот дядя Володя-то, он неплохой мужик. Пить хоть не будет. Не витязь, конечно... но уж... что теперь? Черт его бей – уж хоть такой: все хоть поможет вам. Все мужик в доме...

Витька представил почему-то, как дядя Володя танцует в их доме летку-енку. За него – сзади – держалась мать и тоже подпрыгивала. А за матерью подпрыгивали дед Наум, Юрка, разные молодые тети, подружки материны...

...Когда приехали домой, у Витьки окончательно созрел план действий.

У воров дядя Коля соскочил с коня, открыл одну воротину, впустил Витьку.

– Расседлай его и насыпь овса. Седло в сенцы занеси – дождь, наверно, опять будет. Я пошел на собрание. Сам раздевайся и лезь сразу на печку.

Дядя Коля пошел от ворот и сразу пропал из виду, растворился в чернильной темноте.

Витька подождал, когда совсем затихнут его шаги, выехал из ворот, подстегнул коня...

Мерин разохотился в беге, нес ровно, быстро. Витька сперва ждал, что он где-нибудь споткнется, потом успокоился. Дорогу конь находил сам.

...К рассвету Витька приехал домой.

Мать спала, когда Витька въехал во двор. Она услышала стук копыт, вскочила. Прильнула лицом к окну.

Витька соскочил с коня, набросил повод на штакетину, постучал в дверь.

– Кто там? – Мать не на шутку испугалась.

– Я, – сказал Витька.

– Витька?! – Мать трясущимися руками долго отодвигала засов и все повторяла: – Господи, да что же это?.. Господи!.. Витенька, родной ты мой-то! – Она обняла сына, прижала к себе. – Господи!.. Да ты как? А дядя Коля где?

– Я один.

– Оди-ин?! – От испуга мать даже запела. – Да ты что? Да как же? Да говори ты

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru скорей, Господи!.. Не случилось ли чего с вами дорогой-то?!

– Нет. – Витька прошел в комнату, дождался, когда мать включит свет. Огляделся – искал, видно, признаки присутствия в доме чужого человека.

Мать во все глаза смотрела на сына.

– Да что случилось-то, Витька?!

– Ничего. – Витька присел на краешек кровати, долго молчал. И мать молчала, смотрела на Витьку... Какой-то он был странный, повзрослевший, что ли.

– Мам... – Голос у Витьки чуть дрогнул. – Ты... замуж-то не выходи. Не надо. Я теперь послушный буду. Учиться... ладно уж – хорошо буду. Мне только захотеть – я сумею... – Витька говорил негромко, с трудом. Смотрел куда-то в сторону.

Мать вспыхнула горячим румянцем, посмеялась – совсем некстати...

Заговорила торопливо, фальшиво как-то – она что-то вдруг растерялась.

– Да тебе кто сказал, что я замуж-то выхожу? Во!.. Ты откуда взял-то? Ты что?

– Пойду коня расседлаю, – сказал Витька.

Когда он вышел, мать скоро натянула платьишко, покружилась по комнате, не зная, что сделать, потом села к столу и заплакала. Плакала и сама не понимала отчего: от радости ли, что сын помаленьку становится мужчиной, от горя ли, что жизнь, кажется, так и пройдет... так и пройдет теперь.

Когда Витька вошел, она еще плакала.

Витька сел напротив матери... Неловко, бережно тронул ее по волосам – погладил.

– Не надо, мам.

– Я ничего, сынок. Я – так. Чаю хочешь?

– Я насовсем приехал...

– Ну и хорошо! Это хорошо, сынок. Я бы в субботу сама за тобой приехала. Плохо мне без тебя... Не могу.

...Когда Витька засыпал уже в своей маленькой горенке, в своей родной кровати, он слышал неясно: приехал дядя Коля. Обрывки разговора слышал.

– Да уж вижу, вижу – конь-то стоит. Отлегло от сердца... Чуток не рехнулся, ей-Богу, – гудел дядя Коля. – Ладно бы свой... А тут – вдвойне...

– Утром... не рассвело хорошо, слышу: стук – воротца стукнули...

– Да, главное, пришел домой, разделся, лег уж – я-то! Ну, спит, думаю. И мои – тоже – не хватились. А потом вспомнил: а чего же конь-то не заржал? А он у меня всегда: как прихожу откуда ночью, потихоньку всегда заржет. Соскочил да в сарай – нет коня...

– Я-то думала: вы вместе ехали-то. Думаю, задержался где...

– Думали, думали, – сказал полусонный Витька. – Я думал, ты думал, он думал... Мы думали.

Потом, совсем уж сквозь сон, едва-едва – слышал:

– Да почему? Почему? Ты можешь толком мне объяснить?

– Не могу. Сама толком не знаю: не лежит душа, и все. Хоть ты что! Сама себя уговаривала, убеждала – не могу. Лучше век одна буду жить, только... Нет! Нет, нет и нет!

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Во! – удивился дядя Коля. – Это даже суметь надо – так опротиветь за короткий срок. Чем уж он так насолил-то?

– Да, наоборот, все хорошо. Ни одного грубого слова... Нет, все хорошо. Только – нет, и все тут.

– Ну, на нет и суда нет. Насильно мил не будешь, не зря говорят. Ладно... Я думал, у вас выйдет что-нибудь... Ладно...

Дальше Витька не слышал. Заснул.

Проснувшись, Витька маленько поперебирал свое хозяйство: бильярдные шары, подковы, покрышку футбольного мяча, лампочку от автомобильной фары, зеркальце автомобильное... Все было на месте.

В прихожей комнате, на столе, лежала записка:

«Витя! Я поехала на базар. Поешь молоко и хлеб. Все в шкафу, скоро приду».

Витька открыл шкаф... Но есть не хотелось... Он вышел из дому.

Пошел к Юрке.

Старик и Юрка были дома. Очень обрадовались, увидев Витьку.

– О!.. Кто к нам пришел-то!

– Витька?.. Эгей! – смешно обрадовался старик. – На побывку, что ли?

– Совсем, – сказал Витька.

– Совсем? – удивился Юрка.

– Совсем. – Витька тоже был очень рад. Но он радость свою никогда особо-то не показывал. – Чего делаете?

– Чего делаем? – переспросил старик. – Мы тут, брат Витька, с разных сторон жизнь окружаем: я – сзади, он – спереду. Я себе гроб вот строгаю, вроде того, что досвиданьяюсь с ей, с жизнью-то, а Юрка в лоб ей метит – переделать норовит. – Старик и правда строгал какие-то доски, но вид у него был вовсе не печальный. – Вот чем мы тут занимаемся, Витька.

Витька посмотрел на Юрку: правда ли, мол, что гроб-то?! Юрка кивнул, что правда.

– Я уж тут убеждал, убеждал его – бесполезно, – сказал он.

– Нет, тут вы меня не убедите. В своем гробике буду лежать... Своими руками сделанный.

– Во дает! – сказал Витька.

– Я ее, каждую тесиночку-то, с лаской обделаю, аккуратно... Как жених в ем буду лежать!

– Да зачем?! – загорячился было Юрка. – Что за... дикость такая?

– Это не дикость. Какая дикость? У нас в деревне все старики так: кто мог, завсегда сам себе гроб делал. Что я, не знаю, какой мне гроб сделают? Тяп-ляп – и готово. Лежи потом... в хреновом гробу. Там сук вылезет, там трещина... На кой мне это надо? Я лучше сам... все тут по-людски сделаю.

– А что, заболел, что ли?

– Ничего подобного. С пенсии – опять заболею. А так – ни одно ребрушко еще не ноет. А гроб... Сделаю – пусть стоит, места-то не простоит. Вот так, ребятушки, так, орелики мои... Ничего тут удивительного нет: все помрем! Я уж, слава Богу, пожил. Да ишо поживем! Пенсия вон скоро... масла опять купим в магазине... – Старик искренне засмеялся. – По Юркиному учению – это масло. Потом хворать полезу на

Позови меня в даль светлую... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru печку...

– Вот логика! – сказал Юрка, тоже улыбаясь. – Железная. А чего ты приехал, Вить?

– Да этот гусь-то... он больше не будет ходить. Мама не велела больше.

– Да?

– Да.

– Давайте чай пить, раз такое дело! – весело сказал старик. Отложил рубанок, стряхнул с рубахи и со штанов стружки. – Счас медку принесем, яблоков... Заварим чай с парами. Слыхали такой – чай с парами?

– Нет. А как это?

– А вот счас сделаем. Это меня один сибиряк научил... У их там холода страшные, вот они и выдумали чай с парами. Подмети пока, Юрка, а я за медом схожу. Подмети, чтоб и мы в чистоте посиживали и чаек попивали. Будем чаек попивать и беседовать.

Старик вышел, а Юрка взял веник и стал подметать.

– Хорошо в деревне? – спросил он.

– Хорошо. Только скучно.

– Ну, это ты... не понимаешь. Разве там скучно? Это ты один там оказался, поэтому тебе показалось скучно. А так-то там не скучно.

– Может быть. Мне здесь больше нравится.

– Ну, конечно, – согласился Юрка. – Хорошо, что ты приехал.

– Я там скучал без вас, – признался и Витька.

– Мы тоже тебя тут вспоминали...

Вошел старик.

– Вот и медок. Счас... загуляем, запьем и ворота запрем. Не журишь, ребята, – не пропадем!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!